

Е. М. ДОБРУШКИН

К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА В. Н. ТАТИЩЕВА
КАК ПИСАТЕЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ
(ДРЕВНЕРУССКИЙ «ОБЫЧАЙ» В «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»)

«История Российская» В. Н. Татищева имеет сложную историографическую судьбу. Жаркие споры историков о достоверности ее известий и «добросовестности» самого Татищева долгие годы подменяли текстологическое исследование «Истории». Недостаточно изучалось татищевское сочинение и как памятник литературы. Наряду с другими трудами Татищева «История Российская» уже давно включена во все исследования по истории русской словесности в разделы, посвященные литературе эпохи Петра I. Однако в них мы найдем лишь краткий биографический очерк и перечисление основных черт мировоззрения Татищева, нашего «наиболее раннего писателя» нового времени, всецело стоявшего «на почве „петровской литературы“».¹

Проведенный в последнее время анализ обеих редакций «Истории» дал возможность установить, что появление целого ряда ее

¹ А. С. Архангельский. Русская литература XVIII века. (Литература петровского времени и ближайших десятилетий — до Ломоносова). Из лекций по истории русской литературы. Казань, 1911, стр. 194 и 160. См. также: Н. И. Греч. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822, стр. 122—126; В. Аскоченский. Краткое начертание истории русской литературы. Киев, 1846, стр. 41—42; А. Д. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. I. СПб., 1863, стр. 328—329; Г. Караулов. Очерки истории русской литературы, т. I. Феодосия, 1865, стр. 370—378; И. Порфирьев. История русской словесности, ч. II. Изд. 2-е. Казань, 1886, стр. 98—111; А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. III. СПб., 1899, стр. 364—366; П. Н. Полевой. История русской словесности с древнейших времен до наших дней, т. I. СПб., 1900, стр. 444—446; А. К. Бороздин. История русской литературы до XIX века, т. II. М., 1908, стр. 344—345; А. Л. Липовский. Очерки по истории русской литературы. (От эпохи Петра Великого до Пушкина). СПб., 1912, стр. 31—35, и др.

чтений обусловлено только редакторской работой самого Татищева над известными в настоящее время источниками, а не привлечением каких-то не дошедших до нас памятников.² Татищев предстает теперь перед нами не как беспристрастный переписчик летописей, создатель нового «летописного свода», лишь в примечаниях к тексту комментировавший его известия, а как историк-писатель, автор оригинального исторического сочинения. Сам же Татищев указывал, что, относясь к историческому труду как к произведению дидактического характера, он рассматривал свою работу и как творчество писателя, стремясь сделать текст «Истории» «украшенным», ясным.³ И, как уже отметил С. Н. Валк, историку во многом удалось решить эту задачу, о чем свидетельствует оценка его труда читателями того же XVIII в.⁴ В связи с этим и был поставлен вопрос о необходимости изучения «Истории Российской» как памятника литературы первой половины XVIII столетия.⁵ Не забывая о существовании проблемы происхождения текстов «Истории», необходимо подвергнуть анализу методику работы Татищева над своим сочинением, технику создания им своих известий. Исследование этой проблемы в извест-

² С. Л. Пештич. 1) О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года. — Исторические записки, т. 18, 1946, стр. 327—335; 2) Русская историография XVIII века, ч. I. [Л.], 1961, стр. 236—262; С. Н. Валк. «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева. — ТОДРА, т. XXIV, Л., 1969, стр. 349—352; Л. И. Сазонова. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев 1185 г. в обработке В. Н. Татищева. — ТОДРА, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 29—46; Е. М. Добрушкин. 1) О нескольких сообщениях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1185 г. — Материалы научной студенческой конференции. Вып. II. Источниковедение историографии. М., 1970, стр. 7—12; 2) О духу известий «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. III. Л., 1970, стр. 280—290.

³ В. Н. Татищев. История российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 83. (Далее при ссылках на это академическое издание римской цифрой обозначается том, арабской — страница).

⁴ С. Н. Валк. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.—Л., 1966, стр. 72—73.

⁵ Е. М. Добрушкин, Я. С. Лурье. Историк — писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева). — Русская литература, 1970, № 2, стр. 219—224; Л. И. Сазонова. Летописный рассказ..., стр. 41. Недавно А. Г. Кузьмин опубликовал статью, в которой он выступает против включения «Истории Российской» В. Н. Татищева в историю русской литературы XVIII в. (А. Г. Кузьмин. Был ли В. Н. Татищев историком? — Русская литература, 1971, № 1, стр. 58—63). Столь резкий и неожиданный в настоящее время «протест» А. Г. Кузьмина основан только на его убеждении в том, что «История Российская» представляет собой лишь свод летописей, в тексте которого совершенно отсутствуют плоды творчества самого В. Н. Татищева. Однако этот тезис А. Г. Кузьмина (как, впрочем, никем другим) пока еще не был доказан. Несостоятельность выступления А. Г. Кузьмина в полной мере показана Д. С. Лихачевым (Д. С. Лихачев. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? — Русская литература, 1971, № 1, стр. 64—68).

ной степени позволит восполнить пробел в изучении творчества историков-писателей XVIII в., в наших знаниях о русской словесности нового времени.

Для получения цельного представления о том, как работал Татищев, какими приемами он пользовался, необходимо, на наш взгляд, изучать не только те фрагменты «Истории», которые полностью не имеют аналогии в известных нам памятниках (их принято условно называть «татищевскими известиями»). Следует подвергнуть анализу весь текст «Истории» в сравнении с источниками, в том числе и те ее места, которые лишь частично совпадают с показаниями летописей и других памятников. В статье «Истории» под 1113 г., посвященной важным событиям в жизни Древнерусского государства, обнаруживается целый ряд таких фрагментов, лишь частично совпадающих с чтениями Ипатьевской летописи, послужившей для Татищева основой при написании этой статьи. В данной работе мы попытаемся проследить за тем, как возникло несколько сообщений «Истории Российской» под этим годом, какие источники лежат в их основе и как Татищев работал над созданием их.

Первым рассмотрим известие татищевского сочинения о приходе на Русь половцев после смерти великого князя Святополка и вокняжения Владимира Мономаха. Среди источников это известие читается только в Ипатьевской летописи.

Ипатьевская лет.

Слышавше же половце смерть Святополчу, и съвокупившеся и придоша (Е — придоша) к Выры (Е — ко Выру). Володимер же, совокупив (Е — совокупи) сыны свои (Е — своя) и сыновце (Е — синовцы), иде к Выру и совокупися с Олгом. Половце (Е — половцы) же бежаша (Е — побегоша).⁶

I ред. «Истории»

Слышавше половцы смерть Святополчу, совокупившеся, придоша на выру (на дань); а Владимир совокупи сыны своя и сыновцы, иде на половцы и совокупися со Давидом черниговским. Половцы же, слышавше сия, убоявшеся, бежаша (IV, 180).

II ред. «Истории»

Половцы, уведав о смерти Святополкове и что Владимир престол возприал, пришли во множестве для требования подарков и стали около Переяславля. Владимир же, совокупясь со Давидом черниговским, пошел противо их, хотя с ними договор учинить. Но половцы, услыша, что Владимир сам к ним дары везет, убоявсь, ушли (II, 129).

Как видим, между текстом Ипатьевской летописи и сообщением I редакции «Истории» (написанной на «древнем наречии») наблюдается очень большая близость, позволяющая сделать вывод о том, что именно эта летопись лежит в основе татищевского рассказа. Но наряду с несомненной близостью следует отметить и отличия текста «Истории» от летописи. Уже в I редакции часть

⁶ ПСРЛ, т. II, М., 1962, стб. 276 и стр. 22 (приложения). Здесь и далее буквой Е обозначаются чтения Ермолаевского списка Ипатьевской летописи.

летописных сведений читается в другом виде, имеются и новые сообщения (мотив бегства половцев). При написании II редакции (представляющей в основном перевод I на современный исторический язык) историк еще дальше отходит от летописного сообщения: здесь мы уже находим новые чтения, которых не дает ни летопись, ни I редакция.

Мы думаем, что для написания этого сообщения у Татищева не было иного источника, кроме Ипатьевской летописи, а все отличия «Истории» от летописного известия появились из-за того, что Татищев понял летописное «Выру» как «вира», т. е. «дань» (по его же объяснению, данному в скобках). В том, что историком именно так и было истолковано это слово, убеждает и маргинальная помета, сделанная самим Татищевым: «Половцы дани хотят». Почти все отличные от летописи чтения и в I, и во II редакциях «Истории» обусловлены переосмыслением летописного текста. Поэтому мы можем рассматривать данный фрагмент «Истории» как плод интерпретации Татищевым известного в настоящее время источника — Ипатьевской летописи. В пользу этого свидетельствует также противоречие созданного в I редакции рассказа и истории древней Руси: по Татищеву получилось, что половцы взымали с Руси дань, причем с Владимира Мономаха! При написании II редакции историк не отказался от попыток дать объяснение приходу половцев, но заменил первоначальное объяснение другим, более достоверным. В тексте II редакции уже читаем: «Половцы . . . пришли во множестве для требования подарков».⁷ Соответственно исчезла и маргиналия I редакции; во II боковой заголовок выглядит так: «Половцы для договора». Но этим не ограничилась работа Татищева над текстом своего рассказа. Объяснив во II редакции приход половцев указанным образом (для требования подарков и подписания договора), Татищев ввел в текст и объяснение похода Владимира к половцам (в летописи ничего об этом не говорится): «. . . хотя с ними договор учинить». Это объяснение полностью совпадает с объяснением прихода половцев, данным самим Татищевым выше. И, наконец, в тексте «Истории» на «настоящем наречии» появляется и соответствующее пояснение бегства половцев (в летописи и об этом ничего не сказано, а в I редакции дано очень краткое пояснение — боязнь Мономаха, что, кстати, противоречит татищевской идее о приходе половцев за данью): «Но половцы, услыша, что Владимир сам к ним дары везет. . .».

Таким образом, все выявленные амплификации текстов обеих редакций «Истории» относительно Ипатьевской летописи должны быть отнесены к перу самого автора сочинения. В литературе иногда можно встретить мнение, по которому все дополнения II редакции сравнительно с I объясняются привлечением Тати-

⁷ Здесь и в следующих примерах разрядка моя, — Е. Д.

щевым новых источников, которых он не знал при написании I редакции «Истории». Но это предположение еще ни разу не было подтверждено, а анализ конкретных фрагментов татищевского труда по обеим редакциям в каждом случае убеждает нас в обратном: татищевские известия II редакции всегда представляют собой лишь разработку намеченной в I редакции темы.⁸ Если встать на указанную выше позицию, то придется предполагать, что Татищев знал не только о том, что у него появятся новые источники, но даже «предугадывал» их содержание, знал о том, что в них он найдет подтверждение своим догадкам.

В данном случае не совсем понятно лишь то, почему Татищев истолковал название реки (или города) Вырь как «дань». Действительно ли историк был введен в заблуждение созвучием слов «выру» и «виру» (а «виру» он понимал именно как «дань»),⁹ или же Татищев сознательно использовал это созвучие для пояснения события, для воссоздания его? С одной стороны, историк почти точно переписывает в текст I редакции ипатьевское сообщение. Но, с другой, ряд фактов может свидетельствовать и о сознательной переработке летописного текста (созвучие двух слов могло лишь натолкнуть Татищева на мысль объяснить событие именно таким образом. Во-первых, автору «Истории» хорошо было известно о существовании Выри (или Выревска): в его труде вслед за летописями этот город и река, расположенные в Переяславской области, упоминаются неоднократно (III, 69, 70, 75; IV, 186, 256, 267). В тексте I редакции из-за толкования «выры» как «дани» исчезло указание на место, к которому пришли половцы, и характерно, что восполняет Татищев этот пропуск во II редакции указанием на Переяславль. О сознательном изменении также может говорить и замена предлога «к» по летописи («приидоша к Выру», «иде к Выру») предлогом «на» (на «выру», «на половцы»), а также замена самого слова «Выру» в фразе о походе Владимира на слово «половцы».

Основой, на которой произошло переосмысливание летописного текста, являлось, вероятно, стремление Татищева пояснить названный в летописи факт — приход половцев. Как мы видели, в I же редакцию введено объяснение и другого факта, названного источником, а именно бегства половцев. Выставленная в «Истории» причина вытекает из самого текста летописи, Татищев, по сути дела, лишь называет то, что как бы подразумевает летописец: половцы узнали о продвижении к ним соединенных русских войск, и самым естественным и реальным объяснением их отступления

⁸ См.: Л. И. Сазонова. Летописный рассказ..., стр. 39; Е. М. Добрушкин. 1) О двух известиях..., стр. 281—286; 2) О нескольких сообщениях..., стр. 9—10.

⁹ См. татищевское объяснение «поклона вирного», данного им в примечании к 33 статье «Русской Правды» (VII, 226).

является страх. К тому же такое пояснение («услыша... убоявся») очень характерно для летописи.

Во II редакции Татищев изменяет мотивировку прихода половцев на Русь: их появление объясняется историком не желанием «дани», а стремлением заключить договор с Мономахом и получить «дары». Встает вопрос: откуда появилось это новое объяснение? На чем оно основано? Из своих источников — русских летописей — Татищев знал, что после смерти великого князя и вокняжения его преемника половцы зачастую приходили для подтверждения мира с новым киевским князем; заключение мира сопровождалось одариванием степняков. О приходе половцев для мира после смерти великого князя рассказывается, например, в Ипатьевской летописи под 1093 г.: «В се же время поидоша половце на Рускую землю слышавше, яко умерл ест Всеволод, послаша послы к Святополку о мире».¹⁰ А под 1172 г. в той же летописи говорится о том, что князь Глеб «смиривься с половцми и, подарив е, поеха от них».¹¹ Об одаривании половцев при заключении договора читаем и под 1155 г.: «Дюрги ... половци одарив дары, отпусти я».¹² (Все эти сообщения имеются и в «Истории»). Совершенно очевидно, что Татищев видел особый обычай в приходе на Русь половцев для договора после смерти великого князя и получения подарков. Приведенное выше летописное известие под 1172 г. попало в «Историю Российскую» в таком виде (под 1170 г.): половцы просят Глеба прийти к ним на съезд «по обычаю», и он с ними «мир подтвердил и, дав им по обычаю дары, пошел...» (III, 91 и 92). Кроме того, сообщая под 1093 г. об отказе Святополка просить у половцев мира, историк прибавляет от себя: «...желая дары по обычаю им давать» (II, 99); под 1095 г. Татищев прибавляет к летописному известию, что половцы пришли к Перяславлу «для требования даров от Владимира (Мономаха, — Е. Д.), чтоб его пределы не воевать» (II, 101); в том же году Святополк умиряет половцев, но они, «взяв дары» (по Татищеву), опять пришли на Русь (II, 103); в 1146 г. половцы, по «Истории», «прислали ко Изяславу по обычаю послов с поздравлением и для подкрепления мира» (II, 165); в сообщении под 1150 г. о заключении Андреем мира с половцами Татищев также делает вставку: «...учинил с половцами мир и, одаря их, возвратился» (III, 20); князь Юрий также призывает к себе половцев «по обычаю» (III, 54), и, наконец, в «речи» Мстислава находим вставку о том, что половцы «всякое лето емлют дары, утверждаяся ротою не воевать» (III, 86).¹³

¹⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 209.

¹¹ Там же, стб. 555—556.

¹² Там же, стб. 480.

¹³ Отметим, что у Татищева вообще приход половцев на Русь (для войны, например) подается как «обычай» (II, 103 и 138). Но здесь «обычай» уже выступает как «нрав» половцев.

Таким образом, появление нескольких дополнений в тексте II редакции «Истории» относительно источника и I редакции («для требования подарков», «хотя с ними договор учинить», «Владимир сам к ним дары везет») объясняется тем, что Татищев воспринял летописное сообщение как запись традиционного события в древней Руси. Оставшееся дополнение II редакции («и что Владимир престол возприал») тесно связано с пониманием историком этого события как обычного и с рассмотренными выше добавлениями: оно логически вытекает из первой фразы летописного известия («уведав о смерти Святополкове»), так как приход половцев (по Татищеву же) связан скорее не со смертью Святополка, а с переменой великого князя. Аналогичную вставку находим и в другом сообщении «Истории». Под 1093 г. Татищев записывает в I редакцию ипатьевское сообщение: «В се же время подоша половцы на Рускую землю; слышавше, яко умерл есть Всеволод, послаша послы ко Святополку о мире» (IV, 162). Во II редакции уже читаем: «Половцы, услышав, что Всеволод умер, а Святополк престол приал, пришли немедленно к Переяславлю с немалым войском и послали ко Святополку послов для подтверждения мира» (II, 99). И здесь совершенно теми же словами, что и под 1113 г., Татищев дает объяснение цели прихода половцев, вводит такое же уточнение географического характера и сведение о численности половцев. Характерно, что в описании этого прихода половцев под 1093 г. в другом своем сочинении — в «Сокращении Гистории Русской» — Татищев говорит: пришли половцы «по обычаю с новым государем мир подтвердить».¹⁴

Вся указанная выше работа Татищева над распространением текста источника направлена на реконструкцию события; историк стремится все объяснить, выяснить мотивы поведения его героев. И лишь одно отличие обеих редакций «Истории» от летописного текста объясняется проводимой Татищевым работой по согласованию своего текста со всем комплексом фактов истории древней Руси (речь идет о замене имени «Олег» на «Давид»)¹⁵.

Для завершения анализа редакторской работы В. Н. Татищева при создании данного фрагмента «Истории» следует отметить, что историк и в I, и во II редакции довольно свободно расчленяет текст источника и вставляет в него свои фразы. Татищев именно внедряет свои собственные добавления в текст-основу, а не перерабатывает текст источника полностью. Такое обращение с текстом источника — точное воспроизведение его и одновременно распространение своими данными и производит впечатление использования Татищевым каких-то неизвестных нам источников, более полных, нежели, например, Ипатьевская летопись.

¹⁴ Е. М. Добрушкин. Неопубликованная рукопись В. Н. Татищева по русской истории. — Советские архивы, 1971, № 5, стр. 93.

¹⁵ См.: Е. М. Добрушкин. О двух известиях... стр. 288—289.

Итак, на основании летописной записи В. Н. Татищев создает более подробное описание события, в котором, самое главное, указываются мотивы поведения героев (чего нет в летописи).¹⁶ Создается это описание исключительно летописными средствами с помощью переноса на данное событие по аналогии сведений из других летописных сообщений. Основанием для такого переноса у Татищева являлось его собственное представление о жизни Древнерусского государства, в данном случае — о характере взаимоотношений между Русью и половцами.

Рассмотрим следующий фрагмент «Истории Российской», рассказывающий о вступлении Владимира Мономаха на киевский стол:

Ипатьевская лет.

Се же слышав, Володимер поиде в Киев. Начало княженья Володимеря, сына Всеволожа. Володимер Мономах седе (Е—в) Киеве в неделю. Усретоша же и митрополит Никифор с епископы (Е прибавлено — клирики) и со всеми (Е—всеми) кияне (Е—кияны) с честью великою. Седе на столе отца своего и дед своих, и вси людье ради быша, и мятежь влече.¹⁷

I ред. «Истории»

Владимир же, слышав се, поиде в Киев. И егда приближися к Киеву в неделю, усретоша его первое народ весь, потом бояре, и за градом митрополит Никифор со епископы, и клирики, и со всеми кияны с честью великою, и проводиша его в дом княж. Владимир же сяде на столе отчи апреля 20 дня, и быша вси ради ему; мятеж же улеже и бысть тишина (IV, 179—180).

II ред. «Истории»

Владимир, слышав сие, ... сам пошел в Киев, и когда приближился в неделю, апреля 20, встретил его за градом народ многочисленный, потом бояре тоже у врат града; митрополит Никифор со епископы и причтом церковным приехали его с честью и радостью великою и проводили до дому княжеского. Тако поят Владимир престол со удовольствием всего народа, мятеж же преста (II, 129).

Среди летописей наиболее полное сообщение о приходе Мономаха в Киев содержит в себе Ипатьевская летопись; Радзивилловская и Никоновская летописи, также бывшие у Татищева, лишь кратко информируют о самом факте вокняжения Владимира, притом не под 6621 г. (как Ипатьевская летопись и Татищев), а под 6622.¹⁸ Между приведенными фрагментами Ипатьевской летописи и I редакции «Истории» имеется значительная текстуальная близость, что дает возможность говорить об этой летописи как источнике для данного фрагмента татищевского труда. Только одно сведение, отсутствующее в этой летописи и имеющееся

¹⁶ Дополнение летописных сведений мотивами поступков людей является вообще характерным для работы Татищева над летописью и соответствует его представлениям об историческом сочинении. Слово «история», писал Татищев, обозначает то же, что «деи или деяния»; «деянием» же называется любое «приключение», «ибо ничто само собою и без причины или внешняго действия приключиться не может» (I, 79). (Курсив мой, — Е. Д.).

¹⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 276 и стр. 22 (приложения).

¹⁸ ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стб. 290; т. IX, М., 1965, стр. 143—144.

в «Истории», — дата прихода Мономаха — взято Татищевым из Радзивиловской летописи: именно в ней читается 20 апреля. В Ипатьевской летописи даты нет вообще, а в Никоновской — 20 марта.

Но, как видим, в татищевском рассказе в обеих редакциях имеются сведения, которых нет ни в одном известном источнике. Текст «Истории» значительно отличается от летописного, и отличие это заключается в том, что в источнике мы читаем краткое сообщение о событии, а у Татищева имеются и элементы описания его. Мы думаем, что и в данном случае это описание создано самим историком, а не основано на дополнительных, неизвестных источниках. Как и в разобранном выше рассказе о приходе половцев, здесь мы сталкиваемся с тем, что Татищев воспринимает краткую летописную запись, скупо информирующую о событии, как неполное описание особого обычая (или обряда) прихода великого князя и встречи его горожанами, обычая, существовавшего в древней Руси. О наличии такого взгляда у Татищева говорит то, что он «реконструирует» чуть ли не все летописные сообщения о прибытии князей. Во II редакции историк или добавляет к летописному известию о приходе князя в Киев (Новгород и т. п.) сведение о самом факте встречи его, или распространяет описание этой встречи (если в летописи есть указание на нее), и т. д. Чтобы понять технику работы Татищева при создании своего описания встречи Мономаха, необходимо выделить аналогичные рассказы по всему тексту «Истории». Вот эти описания встреч в «Истории»:

1) Изяслава в 1069 г.: «Егда же Изяслав приблизился ко граду, вышли люди противу ему с поклоны и прияли с честью... И сел Изяслав паки на престоле своем»¹⁹ (II, 86; ср. с I ред. — IV, 155).

2) Святополка в 1093 г.: «И встретили его за градом все киевские вельможи со множеством народа, а у ворот во граде епископ юриевский Марин с игумены и попы со святым крестом, и приали его с великою радостью. Он же вшед по обычаю в церковь, потом в дом великаго князя, и приал престол отца своего и деда с миром» (II, 99; ср. IV, 162).

3) Его же в 1098 г.: «А Святополк в великую субботу въехал во Владимир и принят от граждан с великою встречей» (II, 118; ср. IV, 172).

4) Ярополка в 1132 г.: «Он же не медля пошел и 17 апреля прибыл в Киев, где его, встретя по обычаю со святым крестом, проводили в дом во множестве народа» (II, 143; ср. IV, 189).

5) Всеволода в 1139 г.: «...пришел в Киев, где встречен и провозжен по обычаю» (II, 151; ср. IV, 195).

¹⁹ Здесь и далее (во всех двадцати фрагментах) курсивом выделены слова и фразы текста II редакции, отсутствующие и в источнике, и в I редакции «Истории».

6) Игоря в 1145 г.: «...приехал Игорь в Киев и *встречен по обычаю*» (II, 162; ср. IV, 201).

7) Изяслава в 1146 г.: «...вшел Изяслав Мстиславич в Киев со славою великою, котораго народ весь с великою радостью встретили *за градом*, а клирос со кресты *у врат киевских*, по обычаю *проводя* его со многим *поздравительным восклицанием* в дом княжеский. И тако сяде на престол отца своего и деда» (II, 164; ср. IV, 203).

8) Его же в 1148 г.: «Сие слыша новгородцы, что Изяслав сам к ним едет, вельми обрадовались и все стали готовиться. Многие выехали его встретить за три дни езды от Новаграда, другие за два и за день, весь же народ ожидал его *пред градом*. А когда *приблизился ко граду*, встретили его *за градом* Ярослав, сын его, со бояры, а *внутри града* — епископ *у врат* со множеством клироса и со святым крестом. И принят был с радостью великою всего народа в день недельный. Он же, шед прямо в церковь святыя Софии...» (II, 186—187; ср. IV, 216).

9) Юрия в 1149 г.: «...въехал Юрий Владимирович в Киев... котораго *вельможи* со множеством народа *за градом* встретили» (III, 9; IV, 220).

10) Изяслава в 1150 г.: «Киевляне же, видя Изяслава *пришедша*, встретили его *всенародно*. Он же, *вшед* в Киев, обладал престол свой с великою радостью» (III, 25; ср. IV, 230).

11) Ростислава в 1154 г.: «...прибыл Ростислав Мстиславич, котораго *за градом* встретил Святослав Всеволодич со всеми *вельможи*, також и народ весь, с радостью великою» (III, 49; ср. IV, 244).

12) Юрия в 1155 г.: «...а Юрий пришел к Киеву, *где встречен по обычаю* с *надлежащею честию* и *провожден* в дом *Ярославль* на престол отца своего» (III, 52; ср. IV, 247).

13) Изяслава в 1157 г.: «...пришел в Киев ... и *встречен митрополитом* и *киевляны по обычаю*, с *надлежащею честию*» (III, 60; ср. IV, 250).

14) Ростислава в 1167 г.: «Оттуду поехал к Смоленску, где его за тридесять верст встретили бояре, потом внуки его, после сын его Роман. *Пред градом* же епископ Мануил с собором и едва не весь народ от града вышли в стретение его с великою радостью» (III, 82; ср. IV, 270).

15) Романа в 1173 г.: «И как пришел ко Киеву, встретили его митрополит со кресты, с ним же архимандрит и игумен печерский Поликарп, и другие игумены, и попы со множеством народа. И приняв его, *проводили в дом Ярославль* с великою честию на престол отца его» (III, 99; ср. IV, 281).²⁰

16) Михаила в 1176 г.: «И как *приблизились ко вратам градским*, вышли ко *встретению* их игумены и весь клирос

²⁰ Здесь и далее разрядкой выделены слова, имеющиеся и в I редакции «Истории», но отсутствующие в источниках.

со святыми иконы, також все вельможи и народ весь с великою радостію» (III, 112; ср. IV, 289).

17) Мстислава в 1178 г.: «И как прибыл к Новуграду, встретили его с иконы и приняли с надлежасчею честию» (III, 119; ср. IV, 292).

18) Давида в 1180 г.: «...наскоро поехал к Смоленску, где его епископ со крестом и все вельможи с великою радостію встретили. Он же, шед в церковь святых Богородицы и воздав богу благодарное пение, пошел в дом княж и сел на престоле отчи и братни» (III, 123; ср. IV, 295).

19) Рюрика в 1194 г.: «И встретили его митрополит и игумены со кресты, також вельможи и все киане от мала и до велика с радостію великою. Рюрик, вшед в церковь Софейскую и помоляся, вошел в дом свой со славою и честию великою» (III, 156; ср. IV, 317).

20) Мстислава в 1214 г.: «...пошли к Киеву. И как приближились, встретили их бояре со множеством народа, а во граде у ворот митрополит и весь клир со святыми иконы приняли с великою радостію. И проводя в церковь святых Софии, потом в дом его, посадили на престоле отеческом и деднем» (III, 190; ср. IV, 345).²¹

Как видим, все приведенные сообщения по II редакции «Истории» отличаются от чтений источника (Ипатьевской летописи) и I редакции. Из анализа фрагментов II редакции выясняется, что Татищев видел обычай не только в факте встречи великого князя, но представлял себе сам обычай во всех деталях. В этих фрагментах мы находим не только указания на то, что такой-то князь был встречен «по обычаю» (№№ 5 и 6); «по обычаю» же князь входит в церковь (№ 2), в княжеский дом, провожаемый народом (№№ 2, 7, 12), встречают князя с надлежасчею честию (№№ 12, 13). Показательна и замена целого описания встречи великого князя I редакции на одну фразу во II: «с надлежасчею честию» (№ 17). Подчеркнем, что слова «по обычаю», «с надлежасчею» честию и т. п. принадлежат самому Татищеву. Как правило, историк прибавляет их в тех случаях, когда ни летопись, ни I редакция «Истории» ничего не говорят даже о факте встречи, т. е. по ним мы не знаем, была ли устроена встреча. В тех случаях, когда в летописи, а вслед за ней в I редакции сообщается о встрече князя, во II мы обнаруживаем описание ее, причем все эти описания у Татищева строятся по одному и

²¹ Тексты I редакции, соответствующие № 1—14 и 17—19, являются довольно точными воспроизведениями (а иногда и абсолютными аналогами) сообщений Ипатьевской летописи. Сообщения под № 15—16 также основаны на этом источнике, но уже в текст I редакции сделаны вставки (они подчеркнуты на текстах II редакции). Описание встречи князя Мстислава (№ 20) отсутствует в Ипатьевской летописи, а также в Радзивилловской и других; в Никоновской об этом лишь упоминается (ПСРЛ, т. X, стр. 67).

тому же трафарету, стереотипу. Наиболее полные стереотипные описания представлены под №№ 2, 7, 8, 14, 15, 18, 19, 20. Они создаются Татищевым не только по одному шаблону, но и одними и теми же формулами, одними и теми же словами. Имеющиеся между ними отличия обусловлены особенностями данного конкретного описания, присущими тексту источника. Именно по такому трафарету построено и интересующее нас описание встречи Владимира Всеволодича под 1113 г., причем это описание создано уже в I редакции «Истории».

Выделенные нами полные стереотипные описания встреч великих князей в «Истории» можно разбить на несколько составляющих их элементов: выход всего народа, выход бояр или вельмож из города, встреча князя духовенством с крестами или иконами, прием великого князя и проводы его сначала в церковь, а затем в княжеский дом или на «Ярославль двор» (последнее в тех случаях, когда речь идет о приходе нового князя). При этом почти каждая встреча сопровождается «великой радостью», князь входит с «великою честью» или «славою». Из сопоставления текстов «Истории» с Ипатьевской летописью выясняется, что татищевское трафаретное описание состоит, по сути дела, из летописных элементов, основано на летописных же известиях о встречах. О выходе горожан сообщается в ипатьевских известиях, послуживших источником для татищевских описаний под №№ 1, 2, 7, 8, 10, 11, 12, 16;²² в летописи говорится и о «сретении» (см. к №№ 14, 15, 17, 18, 19),²³ о выходе «всего народа», «множества народа», «всего города» и т. п., «лучших людей» и «бояр»²⁴ (к №№ 2, 7, 11, 12, 15, 16, 18, 19),²⁵ о встречающем духовенстве с крестами или иконами или же без них (к №№ 7, 14, 15, 16, 17, 18, 19),²⁶ о входе князя в церковь (к №№ 10, 17, 18, 19)²⁷ и в дом княжеский или на «Ярославль двор» (к № 10),²⁸ о радости встречающих (к №№ 2, 5, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 19).²⁹

С помощью этого набора летописных элементов, которые собраны нами примерно из двух десятков описаний встреч, Татищев создает всегда более полное изображение события. Достигается эта полнота вводом в данное, конкретное летописное сообщение «недостающих» элементов из других летописных сообщений. Одно летописное известие о приходе великого князя историк восполняет

²² ПСРЛ, т. II, стб. 163, 209, 327, 369, 416, 470, 478 и 602.

²³ Там же, стб. 528, 568, 607, 616, 681.

²⁴ У Татищева также постоянно упоминаются «вельможи». С. Н. Валк уже убедительно доказал, что этот термин принадлежит перу самого Татищева, а не основан на дополнительных источниках (С. Н. Валк. «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 349—352).

²⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 209, 327, 470, 478, 568, 602, 616, 681.

²⁶ Там же, стб. 327, 528, 568, 602, 607, 616, 681.

²⁷ Там же, стб. 416, 607, 616, 681.

²⁸ Там же, стб. 416. См. также стб. 396—397.

²⁹ Там же, стб. 209, 303, 327, 369, 384 и т. д.

за счет другого о приходе иного князя. Поэтому-то во II редакции «Истории» и возникло несколько очень похожих друг на друга описаний. Говоря о встрече Святополка (№ 2), Татищев к летописному факту выхода навстречу киевлян и приема князя «с радостью» прибавляет выход вельмож и духовенства с крестом, а также указание на вход князя в церковь и княжеский дом. К описанию встречи Изяслава (№ 7) во II редакции прибавлено указание на проводы князя в дом, к № 8 — «весь народ» и духовенство с крестом, к № 15 — проводы в дом княжеский, к № 18 — вельможи, «великая радость» и вход в дом княжеский, а к № 19 — вход в дом. Как видим, точно так же Татищев дополнил и сообщение о встрече Мономаха: «недостающие» элементы взяты им из того же летописного комплекта формул.

Дополнялись историком не только относительно развернутые летописные известия о встречах князей; отдельные формулы обнаруживаются во II редакции в тех случаях, когда в летописи и в I редакции совсем ничего не говорится о встрече. Князя Изяслава принимают «с честью» (№ 1), Святополку устраивают «великую встречу» (№ 3), Ярополка провожают «в дом во множестве народа» (№ 4); к № 9, 11, 16 прибавлены «вельможи», в № 10 говорится о «всенародной» встрече, в № 12 — о проходах в дом Ярославль, в № 13 князя встречают киевляне и митрополит.

Для дополнения рассматриваемого сообщения под 1113 г. Татищев, по-видимому, использовал и конкретное известие источника, а именно описание прихода князя Ростислава Мстиславича в Смоленск по Ипатьевской летописи (об этом событии у нас — № 14): именно там прямо называется последовательность групп встречающих князя — «лучшие мужи», «затем усретоша и внуци», «и затем усрете сын Роман и епископ».³⁰ У Татищева сказано: «первое народ», «потом бояре». Слово «потом», кстати, читаем и во II редакции «Истории», где говорится об указанном приходе князя Ростислава.

Но татищевские формулы не всегда совпадают с летописными. В сообщении о приходе Мономаха в «Истории» обнаруживаются слова, которых не знает летопись (ни под 1113 г., ни в описаниях встреч других князей): уже в I редакции читаем, что духовенство встречало Владимира «за градом». Во II редакции «за градом» князя встречает народ, а у «врат града» — бояре. Нетрудно заметить, что эти точные указания на расположение групп встречающих, отсутствующие в летописи, неоднократно появляются во II редакции: «за градом» и «у ворот во граде» (№ 2), «за градом», «у врат киевских» (№ 7), «перед градом», «за градом», «внутри града», «у врат» (№ 8), «за градом» (№ 9), «за градом» (№ 11), «перед градом» (№ 14) и т. д. (см. также № 16 и 20). Появление этих уточнений можно объяснить следующим образом. Слова «за

³⁰ Там же, стб. 528.

градом», «пред градом» вытекают из летописного указания на выход встречающих. По летописным известиям понятно, что народ выходил именно из города (см. № 8 и 16), и самым естественным уточнением, где именно горожане встречали князя, является указание на встречу «пред градом». Остальные уточнения («у ворот во граде», «внутри града» и т. п.) обусловлены разбивкой встречающих князя на группы (на это указывает и летопись), а также указанием летописи на определенную, устойчивую в нескольких случаях последовательность встречающих (например, в № 14), которая, вероятно, и в действительности была строго регламентирована. Вводя эти уточнения, Татищев в общем-то не так далеко отходит от летописи, как бы раскрывая скобки в ее сообщениях. Но эти дополнения превращают летописную запись в описание события, делают сообщения более реальными, наглядными, а текст — более доступным для читателя.

Татищев подвергает ипатьевское сообщение о приходе Мономаха и стилистической правке. В летописи дается заголовок, которым начинается описание событий времени княжения Владимира. После заголовка сразу следует фраза, в которой говорится о вокняжении Мономаха, а затем сообщается о прибытии его в Киев. В летописном рассказе как бы сделано отступление во времени, нарушена строгая хронологическая последовательность. Татищев убирает летописный заголовок, а на его место вставляет фразу, которая связывает разорванный текст летописи, делает повествование более гладким. Историк добавляет в известие источника и недостающие слова: в летописи отсутствует переход от слов «усретоша же и митрополит ... и ... кияне с честью великою» к словам «седе на столе отца своего». Татищев добавляет: «Владимир же ...». В летописи сказано: «вси людье ради быша», а Татищев уточняет: «и быша вси ради ему», и т. д.

Переходим к рассмотрению сообщения «Истории Российской» под 1113 г. о похоронах князя Святополка Изяславича. И в данном случае только Ипатьевская летопись содержит в себе близкое описание этого события.

Ипатьевская лет.

... преставися (Святополк, — *Е. Д.*) ... за Вышегородом, и привезоша и в лодии Киеву (*Е* — ко Киеву), и спрятавшя тело его, и възложиша на сани (*Е* — саны). И плакашя по немь бояре и дружина его вся, певше над нимь обычныя песни, и положиша в церкви святого Михаила, юже бе сам создал.³¹

I ред. «Истории»

И егда, возложивше на сани, везоша его ко Киеву из Вышегорода, плакася по нем зельне народ весь, яко не мощи слышати пения надгробного, и народу угнетающюся ко гробу (*IV*, 179).

II ред. «Истории»

Тогда, возложя его на сани, везли в Киев, а народ весь встретя его за градом, провожали с великим плачем и жалостию, тако утеснялся ко гробу, что едва удобно было провести (*II*, 128).

³¹ Там же, стб. 275 и стр. 22 (приложения).

Уже текст I редакции «Истории» отличается от известия Ипатьевской летописи. По сути дела, в татищевском сочинении перед нами отредактированное сообщение этого источника. Почти все факты, названные в летописи, находим и в этом фрагменте «Истории», но здесь они звучат несколько иначе. В летописи сказано, что князь умер за Вышгородом и что он был перевезен в Киев. Татищев совместил эти два факта в одной фразе: «...везоша его ко Киеву из Вышегорода». Здесь хотя и называется только факт перевозки тела, но косвенным образом сообщается и о смерти Святополка вне Киева. В известии «Истории» о том, что народ плакал, «яко не мощи слышати пения», имеется косвенное указание на факт, названный в источнике прямо (отпевание). В тексте «Истории» имеется и значительное отличие от текста летописи: если в ней сообщается только о скорби по князю его бояр и дружины, то у Татищева над гробом Святополка плакал весь народ, притом плакал «зелне».

Во II редакции обработке подвергается и текст I редакции «Истории». Здесь еще более усилено описание всенародной скорби о князе (появляется и «жалость», и т. д.). Историк уточняет описание, делает его более реальным: в I редакции (как в летописи) факты перевозки тела, скорби киевлян просто названы. Во II редакции читаем: народ плакал, «встретя» гроб князя «за градом», с плачем «проводжали» князя. Как видим, обработка рассказа I редакции во II идет точно по тем же направлениям, что и обработка рассказа летописи в I редакции. Текст II редакции «Истории» завершает обработку известия источника.

Для выяснения вопроса о происхождении отличных от данного ипатьевского сообщения фрагментов «Истории» Татищева по обему ее редакциям опять-таки необходимо обратиться к аналогичным сообщениям летописи и татищевского труда. Вот как описаны в Ипатьевской летописи похороны отца Святополка, князя Изяслава: «Вземше же тело его, привезоша в лодьи и поставиша противу Городчю, и изидоша противу ему весь город Киев, и, възложиша на сане, повезоша и с песньми попове и черноризици, и понесоша в град; и не бе лзе слышати пенья в плаче велице и вопле: плакася о немь весь город Киев».³² Сравнение этого летописного фрагмента с описанием похорон Святополка по I редакции «Истории» показывает, что скорее всего именно он послужил дополнительным источником для Татищева. Именно об Изяславе весь город плакал так, что «не бе лзе слышати пенья в плаче» (ср. под 1113 г.: «яко не мощи слышати пения надгробного»). Вообще же о плаче всего народа по покойному великому князю летопись сообщает не раз.³³

³² Там же, стб. 193. Этот фрагмент имеется в обеих редакциях «Истории» В. Н. Татищева (IV, 158—159 и II, 93).

³³ См., например: ПСРА, т. II, стб. 198.

Дополнения описания похорон Святополка во II редакции также основаны на летописной традиции: о выходе народа и встрече гроба с телом князя говорится и в приведенном выше описании.³⁴ В сообщении же о похоронах Ярополка под 1087 г. в Ипатьевской летописи читаем и о встрече, и о проводах тела.³⁵ Летописные сообщения о проводах умерших князей не только состоят из устойчивых формул, но и схожи по построению с известиями о встречах князей (см. выше): и в том и в другом случае действия горожан состоят из «встречи — проводов». Поэтому неудивительно, что в рассматриваемом тексте «Истории» мы сталкиваемся со знакомыми уже деталями, которые оживляли картину встреч великих князей (тело Святополка было встречено «за градом»). Это уточнение введено историком не только в описание похорон Святополка под 1113 г.: во II редакции «Истории» гроб с телом князя Ярополка также встречают «за градом» (II, 95), а Глеба — «у врат града» (III, 161).

Таким образом, и в данном случае, судя по всему, мы имеем дело с правкой Татищевым известного летописного сообщения. И здесь для правки и дополнения сообщения летописи историк использует элементы других летописных известий, а также вводит в текст собственные детали, причем точно такие же, что и в рассказ о Мономахе. На первый взгляд татищевское описание похорон Святополка ничем не отличается от обычного летописного. Но в данном случае стремление Татищева к воссозданию полного описания события, лежащее в основе редакционной правки ипатьевской записи, привело к искажению исторической правды (это также может являться подтверждением того, что исследуемый фрагмент «Истории» принадлежит перу ее автора). Дело в том, что древнерусские памятники, например Киево-Печерский патерик, прямо сообщают о непопулярности Святополка.³⁶ Поэтому-то Ипатьевская летопись сообщает лишь о скорби бояр и дружины и молчит о «всем народе». По татищевскому же описанию похорон князя получается, что Святополк был народом любим. Интересно при этом отметить, что и самому Татищеву было хорошо известно о взаимоотношениях киевлян и великого князя: под 1097 г. во II редакции «Истории» сделана вставка, в которой говорится о том, что Святополк не мог надеяться на киевлян, «зане нелюбим ими был» (II, 114; ср. IV, 170). Наличие таких взаимоисключающих сведений (враждебность и «великая жа-

³⁴ См.: там же, стб. 694.

³⁵ Там же, стб. 198.

³⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 206—207. Этот факт не остался незамеченным исследователями. «Характерно, — писал М. Н. Тихомиров, — что Святополка хоронили только его бояре и дружина, тогда как в рассказах о смерти других киевских князей обычно сообщается, что их оплакивали все киявляне» (М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI—XIII вв. М., 1955, стр. 136).

лость») в «Истории» следует объяснять, по нашему мнению, не использованием историком одновременно текстов разных источников (частью нам неизвестных): маловероятно, чтобы Татищев механически заносил в свое сочинение явно противоположные сведения, даже усиливая их во II редакции. Вероятно, с точки зрения самого Татищева, никакого противоречия между указанными фактами и не было: историк, стоявший на монархических позициях, мог воспринимать «великий плач» по умершему князю (т. е. «государю», «монарху») как соблюдение подданными этикета, тем более что сам Татищев не столь отрицательно характеризовал этого князя.³⁷

Итак, во всех трех разобранных фрагментах «Истории» под 1113 г. мы обнаруживаем татищевскую обработку известий Ипатьевской летописи. (Напомним, что два других сообщения под 1113 г. — мотив отказа Мономаха от киевского стола и поход Олега на Киев, которые тесно связаны с рассмотренными здесь сообщениями, — уже определены нами как плод интерпретации Татищевым текстов известных нам летописей).³⁸ Каждое из трех летописных сообщений дополнено в «Истории» за счет летописных же сведений об аналогичных событиях. Используя летописные формулы, дополняя их собственными уточнениями, которые в конечном счете вытекают из летописного текста, Татищев как бы реконструировал событие.

Историк, вероятно, заметил трафаретность летописных сообщений и использовал их элементы для восполнения «пробелов» в данных известиях источника. В результате летописный стереотип в «Истории» проводится более последовательно, чем в самой летописи. Используя летописные формулы для воссоздания события, лишь названного в памятнике, Татищев, естественно, описывает его не так, как оно происходило в действительности (этого он и не мог знать), а как должно было происходить по его мнению. В этом смысле характерно употребление автором «Истории» слов «с надлежащею» честью и т. п.: у Татищева описаны такие похороны великого князя, какими им *надлежало* быть; Владимира киевляне встречают так, как *надлежало* встречать великого князя; с *надлежащей* целью приходят на Русь половцы, на что Мономах отвечает *надлежащими* действиями. Следует отметить, что при создании идентичных описаний разных событий на основе знания древнерусского обычая Татищев, вероятно, преследовал и определенные политические цели: ведь он не просто распространяет летописные сообщения о встречах великих князей, а добавляет сведения о всенародной радости, создает описания торжественных

³⁷ См.: Е. М. Добрушкин, Я. С. Лурье. Историк — писатель или издатель источников? стр. 221—222.

³⁸ См.: Е. М. Добрушкин. О двух известиях..., стр. 280—290.

встреч «государей» независимо от симпатий народа к данному «монарху». «Всенародная радость» (равно как и «всенародная скорбь» по поводу смерти князя) отвечала собственным монархическим воззрениям Татищева. И естественно, что при такой идентификации описаний историк в определенном смысле лишал известия летописей индивидуальных черт, что не могло не привести в некоторых случаях к искажениям фактов (как, например, в рассказе о Святополке).

Вероятно, и в действительности в древней Руси существовал особый обряд, например встречи великого князя, и трафаретные летописные формулы являются в данном случае лишь словесным выражением жизненно реального этикета.³⁹ Столь пристальное внимание Татищева к описанию обычаев в истории объясняется не только стремлением восполнить лаконичные записи источника, но и тем интересом, который проявлял Татищев в жизни к народному быту, обычаям и нравам.⁴⁰ Но все же необходимо еще раз подчеркнуть, что все указанные добавления, введенные в текст Ипатьевской летописи, основаны не на дополнительных источниках, а на собственном понимании Татищевым древней истории России.

Как уже было сказано, все дополнения связаны в основном со стремлением Татищева сделать тексты летописи более ясными, доступными для современников, не очень-то искусственных в чтении древнерусских памятников. Это стремление выявляется и во вводе описания мотивов поступков людей, реальных подробностей. Татищев как бы отвечал на вопросы, которые возникают при чтении скупых летописных записей, во всех трех разобранных случаях представляющих собой лишь краткую информацию о событиях. Историк как бы стремится преодолеть дневниковость летописи. Преодоление это идет по двум линиям: во-первых, Татищев как бы восполняет «недостаточность» самого факта, только названного источником, посредством ввода объяснений, детализации. Во-вторых, историк стремится связать друг с другом набор фактов летописи (и мотивировкой событий, и посредством специальных связей). В летописи подряд, но без особой связи даны два факта: поход Владимира и бегство половцев. У Татищева же второе событие определено ставится в зависимость от первого, точно так же, как и сам поход Мономаха обуславливается приходом половцев, и т. д. То же можно видеть и в рассказе о встрече Мономаха. В летописи приход князя и встреча его как бы оторваны друг от друга, даны сами по себе. Татищев сближает их, указывает на обусловленность второго (встречи) переходной фразой («и когда приблизился...»). В «Истории» одно действие вы-

³⁹ См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 84—108.

⁴⁰ См.: А. Пыпин. Русская наука и национальный вопрос в XVIII веке. — Вестник Европы, 1884, кн. 6, стр. 573—581.

текает из другого, причем писатель добивается такой плавности и вводом посторонних сведений, и стилистической обработкой данного текста летописи. В результате получается более связный и подробный рассказ, чем в источнике, появляются элементы описания события (в отличие от краткой информации источника). Такая направленность работы Татищева при создании «Истории» вполне понятна: как историка его не могла удовлетворить летописная лаконичность. Сами по себе сообщения о приходе половцев, о вступлении Мономаха в Киев и о смерти Святополка, как они даны в летописи, не могут представлять интереса для читателя. В «Истории» же они приобретают иное звучание: более ясные, полные, они дают представление о жизни древней Руси, о ее обычаях.

При написании I редакции «Истории Российской» Татищев использует не только летописную форму, конструкцию описания событий, но и летописный язык. В этом нет ничего удивительного (и криминального): постоянно занимаясь летописями, не только читая их, но и переписывая, Татищев «вошел» в их язык, и тот стал для него вполне доступным и понятным. Историк, как известно, и сам писал о том, что его «История», «писанная древним наречием», как казалось ему, «к выражению всякому довольно ясна». В «Предызвещении» (на немецком языке) Татищев сообщал также, что он дополнял «неточные» и «неясные» места летописи «теми же словами, какие имеются в манускриптах» (VII, 59).

Изучая тексты «Истории», неоднократно сталкиваешься с тем, что Татищев дополнял источники сведениями, взятыми из аналогичных сообщений летописи о подобных событиях,⁴¹ т. е. по сути дела со стилизацией. Но это отнюдь не означает, что вся работа Татищева как историка-писателя сводилась только к этому литературному приему. Анализ всего текста «Истории Российской», несомненно, позволит выявить и иные линии в методике Татищева, т. е. более полно раскрыть его творческую лабораторию, лабораторию историка-писателя первой половины XVIII столетия.

⁴¹ Л. И. Сазонова, например, находит, что «механизм создания» Татищевым «новых известий в рассказе о походе Игоря состоит в перенесении ситуаций одного событийного ряда в другой» (Л. И. Сазонова. Летописный рассказ. . ., стр. 42).